

Граф Франциск Матвеевич Санти (1683 – около 1758). Портрет П. Ротари; в начале XX в. находился в собрании А.Е. Голубицкого, Москва

ГЛАВА II

Научная геральдика России в XVIII – начале XX в.

§ 1. Становление научного геральдического знания

Зарождение научного геральдического знания в России произошло позже, чем в других европейских странах, где уже в XVI–XVII вв. появилось множество сочинений о гербах и предпринимались попытки осмыслить накопленный опыт. Становление отечественного гербоведения заняло более столетия, захватив XVIII в. и даже первую треть XIX в.

Такая длительность была обусловлена специфическими условиями формирования дисциплины. Геральдическое пространство России складывалось медленно, неравномерно, а постепенно усиливавшееся влияние на герботворчество государственной власти, видевшей в гербах элемент идеологии и один из инструментов социальной политики, придавало ему характер кампании. Полноценному осмыслению долгое время препятствовала малочисленность самих российских гербов. Только когда их количество оказалось значительным, а сами они обрели смысловое и визуальное разнообразие, стали возможны аналитические процессы. В отличие от Запада, где сначала сложилось геральдическое пространство и только затем появились первые научные работы, отечественное герботворчество происходило одновременно с попытками осмысления гербов.

Другим фактором, оказавшим влияние на состояние дисциплины в начальный период, была потребность в практических руководствах. На русском языке они отсутствовали, поэтому возник парадокс: геральдические работы не создавались потому, что неоставало гербов для анализа, а составление гербов затруднялось без необходимых пособий. Преодолеть такое противоречие отечественная геральдика смогла только к середине XIX в. До того момента

единственный выход из ситуации заключался в заимствовании не только семантико-иконографической модели герба, но и в усвоении западных сочинений, хотя бы и далеких от российских реалий.

Момент зарождения научного геральдического знания обозначался исследователями по-разному. Одни связывали его появление с деятельностью приглашенного из Австрии герольдмейстера Лаврентия Хурелича (Курелича), который составил сочинение о родословии русских царей, украшенное гербами их дальних родственников – европейских монархов³⁵³. Другие отождествляли генезис с переводом западных трудов, который происходил во второй половине XVII в. для практических нужд Посольского приказа, когда ему требовались сведения о гербах и печатях европейских государств³⁵⁴. Третьи отсчитывали дисциплинарную историографию от Большой государственной книги 1672 г., известной также как «Титулярник»³⁵⁵. Эта роскошно оформленная рукопись, существовавшая в трех экземплярах, предназначенных для царя Алексея Михайловича и его сыновей, содержала наряду с общими историческими сведениями, портретами правителей и патриархов, рисунки гербов европейских государств и изображения 33 территориальных эмблем России. В строгом смысле слова, это был первый в стране письменный гербовник³⁵⁶, существовавший, как и многие ранние

³⁵³ [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 121; Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение. – С. 461; Нарцов А.Н. Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства. – Т. 1. – Тамбов, 1904. – С. 22–23; Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней Руси // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 3. – С. 150; Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 1. – С. 4; Черепнин В.А. Геральдика. – Стлб. 350. Иногда труд Л. Хурелича (Курелича) рассматривался вместе с некоей геральдической рукописью, составленной боярином А.С. Матвеевым. Однако, как справедливо замечала О.А. Белоброва: «В справочной литературе Матвееву ошибочно приписывается авторство [...] книги, на самом деле составившихся по его указанию в Посольском приказе» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 3. – Ч. 2. – СПб., 1993. – С. 341).

³⁵⁴ Белоброва О.А. Из истории древнерусской геральдической литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 37. – Л., 1983. – С. 79–80.

³⁵⁵ Его полный текст был недавно издан с подробными комментариями, см.: Царский Титулярник. – М., 2007. – Кн. 1–2.

³⁵⁶ См.: Каган-Тарковская М.Д. «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 26. – Л., 1971. – С. 56; Коротков Ю.Н. Указ. соч. – С. 343; Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика... – С. 20; Вилинбахов Г.В. Го-

памятники подобного рода в Западной Европе, не самостоятельно, а в составе иного текста.

Перечисленные точки зрения нельзя признать убедительными. Рукописные переводы западных работ, бывшие по существу внутренними документами дипломатического ведомства, не являлись частью собственно русской историографии. Гербы в трудах Лаврентия Хурелича и «Титулярнике» были элементами художественного оформления, а не предметом целенаправленного изучения или хотя бы собирания. К тому же статус рисунков «Титулярника», относящихся к России, не очевиден. Их нельзя признать в полной мере ни эмблемами, ни гербами: они сочетают формальные признаки и тех, и других³⁵⁷, поэтому их можно определить только как «протогербы», то есть изображения переходного типа. Аналогичная ситуация характерна и для европейской геральдики на стадии генезиса и представляется вполне закономерным явлением. Гербы формировались на основе широкого круга уже бытовавших в социуме эмблем и символов, но специфические, уникальные правила их составления складывались постепенно. Был необходим период, когда они опробовались на практике. Визуально этот процесс выражался именно через появление изображений туманного статуса. Их как раз зафиксировал «Титулярник», иконографически подтверждая, что зарождение русской геральдического пространства (но не гербоведения) приходится на вторую половину XVII в.

Следует также подчеркнуть, что геральдическая литература не могла возникнуть ранее времени, когда в России распространились сами гербы в их классическом понимании, а это произошло только во второй четверти XVIII в. К тому же периоду относится публикация первых работ о гербах. Эмблематические издания появились несколько ранее, в начале столетия, но причислять их к геральдической историографии нельзя. Вошедшие в подобные труды эмблемы могли служить и часто служили источниками при составлении территориальных или дворянских гербов, но это свидетельствует только об источниковедческой связи между данными явлениями, а не об их тождестве.

сударственная геральдика в России: теория и практика: дисс. в виде научн. докл. ... докт. ист. наук. – СПб., 2003. – С. 32.

³⁵⁷ Подробнее см.: Наумов О.Н. «Титулярник» 1672 г. как памятник геральдики: проблемы изучения // Румянцевские чтения. – М., 2001. – С. 216–219.

Первым и самым известным отечественным изданием по эмблематике стала отпечатанная в 1705 г. в Амстердаме по инициативе Петра I книга «Символы и эмблемата». Она содержала 840 эмблем с текстом на основных европейских языках, в том числе русском³⁵⁸. Значительная часть изображений была заимствована из эмблематического сборника Д. де ля Фея, изданного в 1691 г., который, в свою очередь опирался на более ранние аналогичные труды, в частности на сборник эмблем, девизов, медалей, иероглифических фигур и монограмм мастера гравера Н. Варьена 1685 г.³⁵⁹. Таким образом, «Символы и эмблемата» вобрали европейские эмблематические традиции XVII в. и как нельзя лучше соответствовали стремлению Петра I европеизировать русскую культуру. Эмблемы из издания широко использовались для украшения церемоний, при составлении военных знамен и городских гербов, а также при подготовке русских книг по эмблематике (например, «Эмблемата духовного»)³⁶⁰. «Символы и эмблемата» стали для XVIII в. основным эмблематическим справочником. Несмотря на значительный тираж в 755 экземпляров³⁶¹ вскоре потребовалось новое издание, выполненное уже в Петербурге³⁶². Книга продолжала пользоваться большой популярностью в течение всего XVIII и даже в начале XIX в. В 1788 г. ее переиздание подготовил известный врач, доктор медицины Н.М. Максимович-Амбодик³⁶³. Он постарался придать книге геральдический характер, дополнив разделом, в котором раскрывалась соответствующая терминология, приводились объяснения используемых в гербах и эмблемах изображений, описывались гербы зарубежных стран и территориальные гербы Рос-

³⁵⁸ Символы и эмблемата. – Амстердам, 1705.

³⁵⁹ Маркушевич А.И. Об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» (1705 г.) // Книга: исследования и материалы. – Вып. 8. – М., 1963. – С. 279–290.

³⁶⁰ Эмблемат духовный ко обучению христианския веры со утешительными фигурами и полезными словами. – [М., 1743].

³⁶¹ Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиография. – 1885. – № 6. – С. 105.

³⁶² Символы и эмблемата. – [СПб., 1719].

³⁶³ Эмблемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки преложенные. – [СПб.], 1788. См. также: Избранные эмблемы и символы, на российском, латинском, французском, немецком и английском языках объясненные. – СПб., 1811. Сноски далее приводятся по переизданию: Эмблемы и символы. – М., 1995. В его основу положен вариант справочника 1811 г.

сии. Эти интерполяции отражали возрастание роли геральдического знания в социальной практике и идеологии эпохи. Однако они все равно не позволяют идентифицировать книгу как геральдическое издание, хотя подобную интерпретацию давала Н.А. Соболева, позиция которой изменялась со временем. В 1981 г. она подчеркивала, что издание 1705 г. принадлежало к работам, «имеющим не непосредственное, а опосредованное отношение к гербам – через эмблемы», и только дополненный вариант 1788 г. «превратился в важный труд по геральдике»³⁶⁴. В настоящее время книгу независимо от года издания предлагается считать первым печатным отечественным геральдическим трудом³⁶⁵. Однако все издания «Символы и эмблемата» оставались компилятивными эмблематическими справочниками. Геральдические дополнения не были обширны и не могли кардинально изменить эмблематический статус книги. Геральдика в них понималась исключительно как возможная сфера использования предлагаемых изображений, а не как самостоятельная область знания.

В начале XVIII в. проявился интерес к зарубежному геральдическому опыту, связанный с прагматическими потребностями развития внешней торговли и дипломатических отношений. В переведенной с голландского языка книге К. Алярда «Новое голландское корабельное строение», изданной в 1709 г.³⁶⁶, подробно описывались флаги европейских стран. На многих из них изображались государственные гербы, поэтому издание содержало разнообразные геральдические сведения, причем не только по иконографии, но и по семантике. В труде описывалась история гербов Великобритании, Испании и других стран.

Первой несомненно геральдической книгой, опубликованной в пределах Российской империи, стал труд И.-С. Бекенштейна

³⁶⁴ Соболева Н.А. Указ. соч. – С. 127, 132.

³⁶⁵ Гербы городов России. – С. 11.

³⁶⁶ Алярд К. Новое голландское корабельное строение глаголющее совершенно чинение корабля. – М., 1709. Книга была переиздана в начале XX в. знаменоведом и военным историком П.И. Белавенцом; поводом для этого послужили работы по реформированию вексиллологической системы Российской империи, потребовавшие обобщения предшествующего опыта, см.: Алярд К. Книга о флагах // Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах: материалы. – СПб., 1911. – Ч. 5.

«Краткое введение в геральдику и искусство составления гербов»³⁶⁷, вышедший в свет на немецком языке в 1731 г. Его автор – приглашенный из Кёнигсбергского университета доктор права – потерпел неудачу в преподавании юриспруденции и ему пришлось заняться геральдикой, хотя, по собственному признанию, специально гербами он никогда не занимался³⁶⁸. Тем не менее, в конце 1720-х – начале 1730-х гг. И.-С. Бекенштейн выполнил несколько конкретных геральдических поручений³⁶⁹, а с 1727 г. работал над книгой по геральдике и генеалогии. Изданный в 1731 г. труд касался преимущественно формальных правил дисциплины, излагавшихся в свойственной немецкой литературе схоластичной манере, и был иллюстрирован черно-белыми рисунками. Его появление свидетельствовало о потребности в геральдической информации. Подробное изложение правил составления гербов было необходимо для совершенствования герботворчества; историк и юрист Ф.-Г. Дильтей прямо отсылал желающих подробнее узнать о формальной геральдике к труду И.-С. Бекенштейна³⁷⁰. Кроме того, это сочинение, будучи компилятивным и, следовательно, вполне традиционным по структуре и содержанию, знакомило с европейской моделью геральдического труда. Его значение для развития научной геральдики определяется тем, что книга задумывалась как пособие для студентов, и именно она положила начало дисциплинарной учебной литературе в России.

Несмотря на то, что отечественное геральдическое пространство к началу 1730-х гг. было незначительным, И.-С. Бекенштейн уделил внимание имевшемуся к тому времени в нашей стране опыту гербовой практики. Он включил в сочинение иллюстрации, которые свидетельствовали о знакомстве с русскими гербами. Имеются данные, что И.-С. Бекенштейн работал над второй частью труда, в которой намеревался коснуться России. Для нее ученому из

³⁶⁷ *Beckenstein I.S.* Kurtze Einleitung zur Wappen-Kunst und zur Art des Blasonirens. – SPb., 1731.

³⁶⁸ *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 20, 21.

³⁶⁹ В частности, он разрабатывал проекты гербов украинским городам, которые потребовались для знамен расположенных в них полков, публикацию см.: [Тройницкий С.Н.] «О учинении в слободские полки и регулярные роты на знамена гербов» // *Гербовед*, 1913–1914 гг. – С. 319–329.

³⁷⁰ *Дильтей Ф.-Г.* Детский атлас. – Т. 1. – М., 1768. – С. 81.

Герольдмейстерской конторы присылались необходимые документы³⁷¹. Однако продолжения работы не последовало, чему, скорее всего, помешал отъезд автора в Германию.

Первая статья, посвященная гербам, была опубликована в 1739 г.³⁷². Она представляла собой заимствованный из европейских сочинений очерк о возникновении гербов и изложение формальных основ геральдики. Основной ее целью стала, видимо, популяризация геральдических знаний, стремление ознакомить с ними широкую публику. В конце статьи анонимный автор отсылал всех заинтересовавшихся гербами более подробно к зарубежным сочинениям.

В первой половине XVIII в. в российском дворянстве сформировалось отношение к гербу как сословной привилегии. Усиленное влиянием европейской культуры, оно обусловило причисление геральдики к тем областям знания, которые необходимы для каждого образованного дворянина, обязанного «под опасением прослыть невеждой уметь растолковывать гербы, по крайней мере, главнейших фамилий в государстве»³⁷³. Дисциплина вошла в программы обучения в привилегированных учебных заведениях (Сухопутном шляхетном корпусе и Смольном институте благородных девиц)³⁷⁴. Потребности словесного образования историографически выразились в издании, начиная с середины 1760-х гг., нескольких пособий, имевших самостоятельные разделы по геральдике. Среди них были как переводные труды (Ж.-А.-С. Формея), так и созданные в России (историка и писателя И.В. Нехачина³⁷⁵, профессора Московского университета Ф.-Г. Дильтея). Во втором случае текст восходил к европейским образцам, повторяя и традиционную вопросно-ответную структуру, и основное содержание. И.В. Нехачин явно заимствовал информацию из пособия Ж.-А.-С. Формея³⁷⁶.

³⁷¹ *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 21.

³⁷² О гербах. – Ч. 3. – С. 9–12; Ч. 4. – С. 13–16; Ч. 5. – С. 17–20.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ *Гладкий С.В.* Из записной книжки. О преподавании генеалогии и геральдики в России XVIII столетия // Новик. – 1942. – Вып. 1. – С. 19; *Лукомский В.К.* Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике... – С. 79.

³⁷⁵ О нем см.: *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып. 2. – СПб., 1999. – С. 345–347.

³⁷⁶ [*Формей Ж.-А.-С.*] Указ. соч. – М., 1764. – С. 227–241; 2-е изд. – М., 1774. – С. 227–241.

Модель изложения геральдического материала в учебных пособиях XVIII в. была инвариантной и состояла из трех компонентов: разъяснение основных понятий, краткий исторический экскурс о происхождении гербов и их роли в жизни средневекового рыцарства, изложение иконографических правил. Стремление синтезировать учебное пособие с практическим руководством, которое в случае необходимости могло помочь в составлении или разъяснении герба, предопределило приоритет сведений по формальной геральдике. Знание иконографии отождествлялось со знанием гербов вообще. В учебнике Ж.-А.-С. Формея указывалось, что осведомленность в геральдике «состоит в том, чтоб краски, металлы и фигуры в гербах знать»³⁷⁷. Однако описание визуальной модели не было полным. Основное внимание уделялось финифтям, металлам, делениям щита, первостепенным фигурам, коронам. При этом практически игнорировались некоторые элементы герба и так называемые негеральдические фигуры, почти ничего не сообщалось о значении фигур, а сам текст получился отвлеченным, конкретные примеры из геральдической практики отсутствовали.

Исключением оказался учебник географии, написанный Ф.-Г. Дильтеем³⁷⁸. В нем связь теории с реальными гербами демонстрировалась при описании каждой страны через сведения о государственных гербах. Автор старался не только дать представление об их иконографии, но также разъяснить смысл эмблем. Ф.-Г. Дильтей отходил от копирования европейской модели пособия, стремясь придать учебной литературе национально ориентированный характер. Для этого в общий контекст интегрировались сведения о русской геральдике.

Ф.-Г. Дильтей использовал авторскую методику изложения формальных правил. Подробно описав конкретный государственный герб, он на его примере демонстрировал какую-либо общую визуальную характеристику. Например, после рассказа о португальских гербах Ф.-Г. Дильтей отметил, что по ним «можно примечать разные фигуры щитов» и далее перечислил шесть их разновидностей. После описания французских гербов излагались варианты

³⁷⁷ Там же. – С. 233.

³⁷⁸ Дильтей Ф.-Г. Указ. соч. – [М.], 1768–1778. – Т. 1–6; Он же. Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего Дома. – [М.], 1771.

делений щита, после испанских – геральдические цвета³⁷⁹. В некоторых случаях вместо пояснений об иконографии давались самостоятельные задания для учащихся. После описания германских гербов, например, отмечалось: «Вы видите гербы императрицы-королевы под фигурой F и императора Иосифа под фигурой G для упражнения юношеству в растолковании гербов»³⁸⁰. Таким образом, учебник Ф.-Г. Дильтея стал первым, интересным опытом в методике преподавания дисциплины.

Учебные пособия сыграли значительную роль в распространении знаний о гербах, в ознакомлении с ними широких слоев дворянства, в формировании геральдической культуры сословия. Они стали одним из факторов, стимулировавших самостоятельное составление гербов представителями многих родов в середине – второй половине XVIII в. Во второй половине XVIII в. именно пособия для учащихся в наибольшей степени способствовали развитию научных основ геральдики в России.

Однако учебники не могли в полной мере заменить практические руководства, в которых подробно излагались бы формальные правила и которые облегчали бы герботворчество в государственных учреждениях³⁸¹. Обычно для справок использовались пособия на иностранных языках. Попытку восполнить историографическую лауну предпринял в начале XIX в. Г.Т. Мальгин. Он перевел и опубликовал сочинение крупного немецкого историка И.-Х. Гаттерера (1727–1799)³⁸², которое касалось преимущественно формальных основ дисциплины и мыслилось издателем, в первую очередь, как практическое руководство. Потребность в таком пособии на рубеже XVIII–XIX в. возросла в связи с кодификацией родовых гербов в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи».

Содержание книги И.-Х. Гаттерера полностью соответствовало западной модели. В свойственной немецкой историографии об-

³⁷⁹ Дильтей Ф.-Г. Детский атлас. – Т. 1. – С. 119, 149–151.

³⁸⁰ Там же. – С. 205.

³⁸¹ В источниках XVIII в., связанных с составлением конкретных дворянских гербов, имелись прямые апелляции к западному опыту, которые свидетельствуют о том, что рецепция формальных правил носила несомненный прагматический характер ([Судаков С.В.] Дворяне фон Глик // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 195; [Тройницкий С.Н.] Графы Гендриковы и Ефимовские // Там же. – С. 227).

³⁸² Gatterer I.-Ch. Abriss der Heraldik. – Gotha, 1773; Гаттерер И.-Х. Указ. соч.

стоятельной, даже мелочной манере подробно излагались сведения о геральдических щитах, цветах, сечениях, перечислялись возможные фигуры, а также совершенно изжившие себя к началу XIX в. и в России никогда не применявшиеся правила соединения гербов. Большое внимание уделялось требованиям к блазонированию. В качестве приложения к переводу, как и к появившемуся примерно в это же время переизданию книги «Символы и эмблемата», прилагались объяснения некоторых изображений, описания государственных гербов ряда стран, эмблематический словарь. Все они должны были расширить сферу использования сочинения И.-Х. Гаттерера и адаптировать ее содержание к национальным реалиям.

Однако предложенный выход из ситуации был обречен на неудачу, хотя для издания оказался избран вполне достойный образец, а автор книги И.-Х. Гаттерер являлся известным специалистом в области специальных исторических дисциплин³⁸³, и даже перевод был выполнен квалифицированно. Недостаток заключался в самом предлагавшемся решении. К началу XIX в. русская геральдика накопила обширный и разнообразный практический опыт, формирование геральдического пространства в основной части было завершено, отношение власти к гербам четко сформулировано, сложились национальные особенности герботворчества. В такой ситуации рецепция визуальной модели другой страны (а книга, естественно, информировала о немецких традициях) являлась нелогичной и потому невозможной.

Потребность в практическом руководстве заключалась в другом – в самоидентификации, в обретении более четкой национальной традиции. Цель, поставленная Г.Т. Мальгиным, позиционировавшего ценность своей работы не только для герботворчества, но и для научного познания («чтобы сей науке, по крайней мере, дать систематический вид»)³⁸⁴, не могла быть достигнута в принципе. Подтверждением не востребованости стал тот факт, что даже в библиотеке Герольдии долгое время отсутствовал экземпляр пособия И.-Х. Гаттерера³⁸⁵.

³⁸³ О его интересе к русской дипломатике, сфрагистике и геральдике см.: *Каиштанов С.М.* Русская дипломатика. – С. 50–51.

³⁸⁴ *Гаттерер И.-Х.* Указ. соч. – С. VI.

³⁸⁵ *Репинский Г.К.* К истории русской геральдики // *РС.* – 1897. – № 1. – С. 111.

Учебные пособия стали важным средством распространения геральдического знания в XVIII в. Несмотря на содержательные лакуны, они стимулировали развитие отечественного герботворчества и гербоведения, способствовали становлению геральдической культуры в русском дворянстве.

На протяжении XVIII в. предпринимались неоднократные попытки кодификации геральдического пространства России в форме гербовников³⁸⁶. К ним можно причислить 7 памятников: знаменитый гербовник 1712 г.; Гербовника Б.К. Миниха 1729–1730 гг., Гербовник А. Грекова 1769 г., гербовник близлежащих к Москве городов 1774 г., Гербовник М.М. Щербатова 1775 г., Гербовник А.Т. Князева 1785 г.³⁸⁷, Гербовник Л.И. Талызина конца 1780-х – начала 1790-х гг. Логически завершил эти опыты по сотворению справочников официальный «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», который принципиально изменил ситуацию. Любой гербовник есть форма познания геральдического пространства, есть работа с некими элементами исследования. Однако в XVIII в. не все авторы отдавали себе отчет в подобном аспекте, стремясь, в первую очередь, к систематизации гербов и рассматривая свои труды как сугубо прагматическое действие. После «Общего гербовника» составление гербовников переместилось в большей степени в сферу науки, стало восприниматься как преимущественно исследовательская работа.

Русские гербовники XVIII в. имели существенную источниковедческую специфику. Они не предназначались для публикации и большинство из них оставались долгое время никому неизвестными, обретая значение историографического факта лишь после публикации (как, например, Гербовник А.Т. Князева) или, по крайней мере, после первичного изучения (как, например, Гербовник А. Грекова).

³⁸⁶ Подробнее о гербовниках см.: *Наумов О.Н.* Печатные гербовники как источник по истории отечественной геральдики // *Книжная культура России: История и современность.* – Вып. 1. – М., 2003. – С. 102–124; *Он же.* Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // *Сообщения Ростовского музея.* – Вып. XIII. – Ростов, 2003. – С. 283–302.

³⁸⁷ Гербовник А.Т. Князева 1785 г. – СПб., 1912; переизд.: Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: издание С.Н. Троицкого 1912 г. – М., 2008.

Гербовники XVIII в. – это разнообразный комплекс памятников, различающихся по цели создания, авторству, отбору и систематизации гербового материала. Существовали две тенденции в их составлении: они появлялись либо как результат административного мероприятия, либо по частной инициативе. Появление знаменного гербовника 1712 г. и Гербовника Б.К. Миниха 1729–1730 гг. связано с военными реформами, вследствие которых гербы потребовались для полковых знамен тех городов, где эти части квартировали. По распоряжению Военной коллегии в 1775 г. составил гербовник, состоявший из 35 рисунков и описаний территориальных гербов, известный историк князь М.М. Щербатов³⁸⁸, занимавший в тот момент должность герольдмейстера³⁸⁹. Они также предназначались для знамен и штандартов воинских соединений³⁹⁰. При этом составление памятника связано, по всей видимости, с реформой губернского управления 1775 г. Аналогичным образом появление Гербовника А.Т. Князева находилось в контексте политики государства по отношению к дворянству и соотносилось с таким важнейшим актом, как «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» и учреждением губернских дворянских книг.

Авторами частных гербовников стали художник А. Греков, межевой чиновник А.Т. Князев, герольдмейстер Л.И. Талызин. Цели каждого из них были различны. Гербовник А. Грекова 1769 г.³⁹¹, включавший гербы лиц, составлявших двор великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I, не выходил за границы придворной забавы и реализовывал интерес к рыцарским обычаям, свойственный наследнику престола. А.Т. Князев, посвятивший много усилий поиску исторических документов, в том числе – генеалогических, предпринял первую обстоятельную попытку кодифи-

³⁸⁸ РГАДА. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 2–47.

³⁸⁹ *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 101–102.

³⁹⁰ О причинах, приведших к появлению одного из самых значительных памятников русского герботворчества – «Общего гербовника дворянских гербов» – будет сказано ниже.

³⁹¹ *Навроцкий Ю.А.* О первом русском гербовнике // Новик. – 1939. – № 1. – С. 38–41; переизд.: *Гербовед.* – 1998. – № 4 (30). – С. 128–132; *Гринберг Л.* Заметки о жалованных грамотах и геральдическом искусстве // Временник Общества друзей русской книги. – Вып. 4. – Париж, 1938. – С. 141–144; переизд.: Временник Общества друзей русской книги. – М., 2007. – С. 573–576.

кации родовых гербов³⁹². Он собрал 533 рисунка гербовых печатей дворянских семей, руководствуясь преимущественно познавательными целями. А.Т. Князев стремился придать работе государственное значение, для чего, видимо, в 1785 г. преподнес рукопись Екатерине II. Популярная в XVIII в. идея общественного блага, социальной пользы стала побудительным мотивом для составления в 1774 г. небольшого собрания проектов гербов для близлежащих к Москве городов³⁹³. Его анонимный автор прямо указывал, что «когда мы живем в такое время, в которое за объявление истин[н]ого усердия ко общему благу никто опасатца наказания притчины не имеет, то сие меня ободрило мыслить о полезном, каком только могу наитить, деле и потому в свободные времена предприял сие дело с крайним моим старанием, желая изобразить гербы городам»³⁹⁴.

Новацией конца XVIII в. стало появление комплексного, включавшего и родовые, и территориальные гербы, труда Л.И. Талызина³⁹⁵. В нем ощущается усиление научной тенденции. Помимо самих гербов в рукописи имелся раздел, в котором составитель излагал собственное понимание теоретических основ и истории геральдики. По сути, это была первая в отечественной науке попытка дать концептуальное понимание геральдического знания³⁹⁶. Л.И. Талызин критиковал европейскую терминологию, подчеркивал неприемлемость западных реалий для России, что обусловлено, по мнению автора, коренными отличиями европейского рыцарства и русского дворянства. Он предложил собственное видение генезиса отечест-

³⁹² Подробный источниковедческий анализ Гербовника А.Т. Князева см.: Наумов О.Н. Гербовник А.Т. Князева в контексте отечественной геральдики // Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: издание С.Н. Троицкого 1912 г. – С. 221–234.

³⁹³ Этот источник вполне может быть идентифицирован как гербовник. В нем содержатся проекты гербов для 10 городов: Боровска, Вереи, Волоколамска, Дмитрова, Звенигорода, Каширы, Клина, Малоярославца, Можайска, Рузы. Причем для каждого предлагалось 3 варианта символа, то есть всего в рукописи содержится 30 рисунков.

³⁹⁴ Новый источник по истории территориальной геральдики: проекты гербов Московской губернии 1774 г. // Гербоведение. – Т. 3. – М., 2013. – С. 80. Рукопись см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Эрмитажное собрание. – Д. 494. – Л. 1–7.

³⁹⁵ С 1852 г. рукопись находится в Российской национальной библиотеке, в Эрмитажном собрании (Д. 112) и содержит немногим около 500 гербов.

³⁹⁶ Кипнис Б.Г., Сапожников А.И. Указ. соч. – С. 87–88.

венной геральдики, подчеркивал ее древность и указывал на значительное влияние государства на герботворческий процесс, которое он, в отличие от последующих поколений геральдистов, воспринимал исключительно позитивно. Гербовник Л.И. Талызина являлся переходным памятником, интегрировавшим справочник с элементами исследования. В содержательном отношении он предвосхитил некоторые идеи последующей историографии.

Ни одна из перечисленных выше работ не была воспринята официально, все они остались невостребованными. Гербовник А. Грекова был куплен в антикварном магазине во Франции в 1930-е гг. Гербовник А.Т. Князева попал в книжное собрание князя Г.А. Потемкина, вместе с которым поступил в библиотеку Казанского университета, стал известен только в конце XIX в. и был оценен как геральдическая сенсация. О Гербовнике Л.И. Талызина долгое время имелись лишь самые смутные сведения, и даже выдающийся геральдист В.К. Лукомский называл его «преданием»³⁹⁷. Обнаружили рукопись только в конце XX в.³⁹⁸. Тогда же было найдено собрание проектов гербов для подмосковных городов.

Однако до сих пор остаются неопубликованными такие важные геральдические источники, как Гербовник князя М.М. Щербатова, Гербовник Л.И. Талызина и др.

Почти на всем протяжении XVIII в. потребность в кодификации и научном осмыслении русского гербового материала отсутствовала. Геральдические труды не воспринимались как разновидность исторического исследования. Самодостаточность гербов как социокультурного явления в массовом сознании XVIII в. и государственной политике осознавалась нечетко. Гербы мыслились либо в контексте вексиллологической символики (в знаменном гербовнике, гербовниках Б.К. Миниха и М.М. Щербатова), либо в связи со сфрагистическими памятниками (в труде А.Т. Князева).

Переломным моментом для отечественного геральдического знания стал «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Он завершил эпоху рукописных справочников, поскольку изначально предполагалась его публикация. Она, разумеется, не преследовала и не могла преследовать каких-либо научных целей

³⁹⁷ Лукомский В.К., *Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. – С. 13.

³⁹⁸ *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 109.

и определялась отношением к гербовнику как юридическому акту, утвержденному императором, что предполагало обнаружение в качестве правового документа.

«Общий гербовник» задумывался как полное собрание русских дворянских гербов, санкционированное верховной властью. Работы над ним начались вследствие указа Павла I от 20 января 1797 г.³⁹⁹ и продолжались до 1917 г. Они охватили дворянские гербы далеко не полностью. Идея об обязательной кодификации геральдического пространства России осталась нереализованной. С учреждением «Общего гербовника» дворянские гербы безвозвратно разделились на официальные и неутвержденные, самобытные, не санкционированные властью.

В историографии высказывались различные точки зрения о мотивах составления «Общего гербовника». В «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара причиной этого называлось желание Павла I «сохранить на вечные времена память гербов русского дворянства»⁴⁰⁰. А.Б. Лакиер считал, что гербовник составлялся «для приведения в известность, какой герб какому принадлежит дворянскому роду» и для «окончательного утверждения гербов»⁴⁰¹, т. е. преследовал справочные и правовые цели. В.К. Лукомский, опираясь на текст указа об «Общем гербовнике» и отдавая дань романтическому истолкованию истории, видел причину создания в господствовавшем в эпоху императора Павла духе рыцарства⁴⁰². Н.А. Соболева, следуя марксистско-ленинскому пониманию истории, рассматривала гербовник как одно из мероприятий правительства, направленное на укрепление идеи самодержавия и поддержание пре-

³⁹⁹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 24. – [СПб.], 1830. – С. 298–299.

⁴⁰⁰ Гербовник // Энциклопедический лексикон. – Т. 14. – СПб., 1838. – С. 117.

⁴⁰¹ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 222. Мнение А.Б. Лакиера повторяли другие авторы. Статский советник А.И. Габерзанг особенно подчеркивал, что составление «Общего гербовника» «есть мера правительства» (*Габерзанг А.И. О пошлинах с жалованных на имения и достоинства дипломов и грамот // Материалы Комиссии, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. – СПб., 1865. – С. 4, 18*). См. также: *Гернет А.О. фон. Круг ведомства Департамента Герольдии по охранению сословных прав // История Правительствующего Сената за двести лет. – Т. 4. – СПб., 1911. – С. 383.*

⁴⁰² Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 21.

стижа царской власти⁴⁰³, как попытку ограничить права дворянства, поскольку для пользования гербом требовалась обязательная санкция императора. В современных работах перечисленные точки зрения стали более детальными. По мнению одних авторов, «Общий гербовник» должен был способствовать приобщению русского дворянства «к рыцарской этике и ее атрибутам»⁴⁰⁴, по мнению других – пресечь юридический беспорядок, проявлявшийся в искажении эмблем и узурпации чужих эмблем⁴⁰⁵. Все точки зрения в большей или меньшей степени справедливы, но, на наш взгляд, ни одна из них в отдельности не может быть исчерпывающей. Появление «Общего гербовника» стало следствием многообразного комплекса потребностей. Названные причины действовали в совокупности, представляя собой комплекс объективных и субъективных факторов, повлиявших на создание гербовника. К последним можно отнести саму личность Павла I, из всех российских монархов уделявшего геральдике наибольшее внимание и лучше всех в ней разбиравшегося. Кодификация дворянских гербов происходила в контексте определенной социальной политики и культурно-идеологической ситуации. Будучи государственным мероприятием, она имела четкий правовой аспект. Кроме того, нельзя игнорировать причины, связанные с логикой развития самой геральдики. Составление «Общего гербовника» стало следствием всей ее предыдущей эволюции. Независимо от конкретных целей он представлял собой не только попытку кодификации гербов и формирования справочно-информационной системы, но был также осмыслением геральдического пространства как единой множественности, идентификацией имеющегося практического опыта, отражением геральдической культуры русского дворянства, да и самой структуры сословия. Об этом свидетельствовало распределение гербов не по алфавиту, как в большинстве ранних гербовников, а в соответствии со сложной иерархической системой, обусловленной со-

⁴⁰³ Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам... – С. 128.

⁴⁰⁴ Агафонова Е.А. Преобразования императора Павла I в системе российской геральдики и Мальтийский орден // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб., 1995. – С. 74.

⁴⁰⁵ Медведев М.Ю. Мальтийская геральдика в России. Некоторые возможности и результаты // Там же. – С. 87.

циогенеалогическими факторами. «Общий гербовник» решал многие вызовы времени: и прагматические, явные, и познавательные, скрытые для современников.

Подобным дуализмом объяснялась значительная роль, которую объективно сыграл данный памятник в развитии русского гербоведения, а также значительный диапазон оценок, которые высказывались относительно него в историографии. С научной точки зрения «Общий гербовник» имел серьезные недостатки. Главный заключался в том, что отсутствовали пояснения смысла эмблем, хотя в поданных дворянами прошениях они имелись. Из-за этого расшифровка значения гербов стала в России самостоятельным направлением исследований. Дела, связанные со внесением гербов в «Общий гербовник», составляли с начала XX в. приоритетный ресурс для археографической работы.

Благодаря публикации первых 10 томов справочника⁴⁰⁶ была создана источниковедческая основа для изучения пространства родовой геральдики. Доступность информации оказала стимулирующее влияние на тематику исследований в XIX – начале XX в. Для них «Общий гербовник» стал одним из основных и наиболее широко используемых источников.

Источниковедческие аспекты этого памятника дали повод для нескольких дискуссий. Текстуальная часть гербовника кроме геральдической информации содержала сведения о происхождении и истории родов, т. е. касалась генеалогии. Они должны были юридически подтвердить права конкретной семьи на право обладания гербом. Некомпетентные в родословии чиновники включили в гербовник множество недостоверных в историческом отношении се-

⁴⁰⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб., [1799–1836]. – Ч. 1–10. О переизданиях см. сноски 1223, 1225, 1226, 1230. Всего до 1917 г. было утверждено 20 томов «Общего гербовника» и еще один том, который условно является двадцатым, составили гербы, утвержденные Сенатом в период правления Временного Правительства. Все они сохранились, см.: РГИА. – Ф. 1411. – Оп. 1. – Д. 91–111. В 1862 г. было начато печатание одиннадцатой части «Общего гербовника». Издание готовил петербургский хромолитограф Полонский, но он скоро умер, и работа осталась незавершенной. Известно 29 подготовленных гербов на 29 листах, из которых 5 отпечатаны полностью, а остальные частично. Список см.: Библиотека Д.В. Ульянинского. – Т. 3. – М., 1915. – С. 1420–1421; *Навроцкий Ю.А.* Об одиннадцатой части Высочайше утвержденного «Общего гербовника дворянских родов» // Для немногих. – Вып. 2. – Нью-Йорк, 1944. – С. 32–34.

мейных легенд. Когда в конце XIX в. началось критическое изучение генеалогических источников, то информационная несостоятельность «Общего гербовника» обнаружилась, и на него в целом были распространены отрицательные оценки. Недостоверность родословной информации вызвала жесткую критику со стороны генеалогов, прежде всего – крупнейшего специалиста по истории и родословию дворянства Л.М. Савелова. Он оценивал источниковедческие возможности гербовника крайне негативно: «По внутреннему своему содержанию [он. О.Н.] не отвечает своему назначению официального издания» и «может служить лишь подспорьем в работе, с которым надо обращаться с большой осторожностью, и если возможно, то заменить его более достоверным источником»⁴⁰⁷. Л.М. Савелов указывал на фантастические легенды Головкиных, Меншиковых, Разумовских, попавшие в текст и фактически получившие таким образом официальное, юридическое утверждение. К мнению Л.М. Савелова присоединился Ю.В. Арсеньев, добавивший, что и в геральдическом отношении источник «оставляет желать весьма многого»⁴⁰⁸.

Существовала альтернативная точка зрения, приверженцы которой (Н.П. Лихачев, В.К. Лукомский), игнорируя генеалогический аспект, подчеркивали, что «Общий гербовник» – важнейший источник информации, позволяющий проследить визуальную эволюцию гербов. Н.П. Лихачев указывал, что среди содержащихся в нем родословных легенд действительно много недостоверных, но они обусловлены историческим контекстом и часто заимствованы из источников, поэтому все-таки представляют научный интерес. В.К. Лукомский подходил к геральдической информации дифференцированно, отмечая, что в гербовник попадали и старые родовые эмблемы, интересные в источниковедческом отношении, и не представляющие серьезной познавательной ценности «творчество» чиновников Герольдии. Благодаря дискуссии выяснилось действительное место «Общего гербовника» в комплексе геральдических источников как противоречивого, требующего критического анализа памятника. Poleмика о достоверности была специфической реакцией на абсолютизацию достоинств источника в практике

⁴⁰⁷ Савелов Л.М. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 137.

⁴⁰⁸ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. – С. 121.

официального герботворчества и в историографии XIX в., в частности – в трудах А.Б. Лакиера.

Другое важное ограничение в источниковедческом использовании «Общего гербовника» было связано с инвариантностью изображений. Согласно законодательству, зафиксированный в нем герб не мог быть изменен без повторной санкции верховной власти, т. е. оставался неизменным. При практическом использовании в быту и искусстве это положение часто нарушалось, употреблялись неканонические варианты, которые необходимо изучать, чтобы получить полное представление об иконографической эволюции герба.

Долгое время оставались неразрешенными несколько конкретных источниковедческих проблем, касавшихся «Общего гербовника».

Первая из них – даты издания его первых четырех томов. На них отсутствовало указание на год публикации, поэтому высказывались различные точки зрения о датировках. Известные библиографы Г.Н. Геннади и В.С. Сопиков относили их выход в свет к 1803–1809 гг., т. е. ко времени правления Александра I⁴⁰⁹. В.К. Лукомский и С.Н. Троицкий сначала поддерживали это мнение, но, сомневаясь в его обоснованности, предпочли некую неопределенность – «около 1803 г.»⁴¹⁰. Затем В.К. Лукомский изменил нижнюю границу публикации на 1800 год⁴¹¹. Уточнение было сделано на основании архивных документов, но без каких-либо ссылок. Одни исследователи признали новую датировку⁴¹², другие – продолжали придерживаться старой⁴¹³, третьи – последовательно уклонялись

⁴⁰⁹ Геннади Г.Н. Словарь русским писателям и ученым, умершим в XVIII и XIX столетиях. – Берлин, 1876. – С. 129; Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. – Ч. 2. – СПб., 1904. – С. 71.

⁴¹⁰ Лукомский В.К., Троицкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденным «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» и «Гербовнику дворянских родов Царства Польского». – СПб., 1910. – С. 8. Сомнения В.К. Лукомского проявились в одновременном использовании им старой датировки – 1803 год. См.: Лукомский В.К. О геральдическом искусстве... – С. 25.

⁴¹¹ Лукомский В.К., Тирольт Н.А. бар. Указ. соч. – С. 18. Ранее эту дату указывали другие исследователи (Загоскин Н.П. Указ. соч. – С. 271).

⁴¹² Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 576; Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4. – С. 4.

⁴¹³ Агафонова Е.А. «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». К истории создания и публикации // 275 лет геральдической службы... – С. 3–5.

от указания года издания⁴¹⁴. Иногда момент публикации отождествлялся со временем утверждения томов или даже с датой указа о составлении гербовника⁴¹⁵.

В 1960-х гг. время публикации первой части было установлено. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века»⁴¹⁶ указывалось, что о ее выходе в свет газета «Санкт-петербургские ведомости» сообщила в июне 1799 г.⁴¹⁷. Однако этот факт остался практически незамеченным.

В 1990-х гг. стали известны новые архивные источники о публикации «Общего гербовника»⁴¹⁸. Было доказано, что первая и вторая части гербовника появились не позднее 12 мая 1800 г. Для датировки первой части это мало что дает, поскольку она известна более точно, а вопрос о публикации второго тома остается все-таки открытым, локализуясь в промежутке между июнем 1799 и маем 1800 г. С другой стороны, указание на май 1800 г. позволяет косвенным путем установить время издания третьего и четвертого томов. Поскольку на пятом томе имеется указание на его выход в свет в 1800 г., то, по всей видимости, и две предыдущих появились в том же году.

Другой проблемой изучения было определение количества гербов в «Общем гербовнике». Казалось бы, такой подсчет не должен вызвать затруднений – источник сохранился полностью, и изображения можно просто пересчитать. Однако в литературе бытует две цифры – около 3 тысяч⁴¹⁹ и около 5 тысяч⁴²⁰. Вторая ошибочна и восходит, вероятно, к широко известной статье В.К. Лукомского «Гербовая экспертиза»⁴²¹, где указывалось общее число утверж-

⁴¹⁴ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. – 2-е изд., доп. – С. 263; Борисов (Ильин) И.В. Указ. соч. – С. 52–64.

⁴¹⁵ Указатель к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи». – СПб., 1888. – С. 1; Гернет А.О. фон. Указ. соч. – С. 386; Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – СПб., 1913. – С. 85; Черепнин В.А. Герб. – Стлб. 375; Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – С. 683; Штакельберг Ю.И. Указ. соч. – С. 537.

⁴¹⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. – Т. 3. – М., 1966. – С. 469.

⁴¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. – 1799. – 17 июня. – № 48. – С. 1168.

⁴¹⁸ Хоруженко О.И. К истории создания «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» // Генеалогические исследования. – М., 1993. – С. 224.

⁴¹⁹ Например, см.: Белинский В.Е. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 85.

⁴²⁰ Коротков Ю.Н. Указ. соч. – С. 343; Штакельберг Ю.И. Указ. соч. – С. 537.

⁴²¹ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 49.

денных русских гербов – 4679. Однако в него включены не только гербы из «Общего гербовника», но и так называемые «дипломные» гербы, содержащиеся в особом сборнике, составленном в Департаменте Герольдии в конце XIX – начале XX в.⁴²². Некоторые исследователи не разобрались в такой тонкости, поэтому возникла ошибка. На самом деле, в «Общем гербовнике», с учетом составленного при Временном правительстве XXI тома, содержится 3127 гербов⁴²³.

«Общий гербовник» породил большую сопутствующую справочную литературу⁴²⁴ в виде различных указателей и перечней гербов, стимулируя таким образом формирование эвристической основы русской научной геральдики. Первая публикация подобного рода – сводный именной указатель к 10 опубликованным частям – появился уже в 1839 г.⁴²⁵.

«Общий гербовник дворянских родов» четко обозначил позицию государственной власти к институту дворянского герба и открыл широкие перспективы для полноценных научных исследований по русской геральдике.

Становление отечественного гербоведения происходило параллельно с введением в научный оборот источников. Стимулирующее влияние на становление источниковедческого раздела оказало количественный рост родовых и территориальных гербов (пик создания последних пришелся на конец 1770-х – первую половину 1780-х гг.), завершивший формирование национального геральди-

⁴²² РГИА. – Ф. 1411. – Оп. 1. – Д. 66–85.

⁴²³ К.Н. Курков называет цифру 3126 (*Курков К.Н.* Теория и статистика российской дворянской геральдики в конце XIX – начале XX вв. // *Гербовед.* – 2003. – № 64. – С. 35).

⁴²⁴ К сопутствующим публикациям можно отнести информационные сообщения в периодической печати о начале составления и утверждении первой части «Общего гербовника» (*Политический журнал.* – 1797. – Ч. 1. – Кн. 1. – С. 433; 1798. – Ч. 1. – Кн. 3. – С. 408). Они подчеркивали важность начинания, придавая ему публичный, социально и политически значимый характер, а также привлекали внимание общества к геральдике в целом.

⁴²⁵ Алфавитный список фамилиям, коих гербы находятся в Высочайше утвержденном «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи». – [СПб.], 1839. Этот указатель не был полноценным научным справочником, представляя собой переходную стадию между алфавитными списками родов, приложенными к каждому тому гербовника, и первым сводным указателем, изданным в 1888 г., поскольку фамилии владельцев гербов внутри букв распределялись не в общем алфавитном порядке, а по томам.

ческого пространства. В последней четверти XVIII в. началась публикация геральдических источников.

Существовала зависимость между интенсивностью герботворчества и проникновением в литературу сведений о гербах⁴²⁶. Городские гербы в официальных географических и исторических описаниях России 1760-х – 1770-х гг. были «фигурой умолчания» и не упоминались ни в общих трудах, ни в работах, посвященных конкретным городам. Ситуация изменилась в 1780-е гг., когда сведения о гербе стали обязательными в исторической и географической литературе: календарях-месяцесловах, описаниях отдельных памятников, справочниках и т. д.⁴²⁷. Цели, которые ставились при этом, не соотносились с гербоведением, но дворянские дипломы⁴²⁸, законодательные акты⁴²⁹, топографические описания с указанием территориальных гербов (калужских, курских, иркутских, симбирских, харьковских, ярославских и др.)⁴³⁰ объективно закладывали основу для последующих исследований.

Геральдический компонент в трудах XVIII в. часто сводился к простому перечислению титульных гербов с описаниями, взяты-

⁴²⁶ *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 92.

⁴²⁷ Иконологический лексикон. – СПб., 1763. – С. 9, 90; [*Плещев С.И.*] Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. – [СПб.], 1786. – С. 105–122; *Максимович Л.М.* Новый и полный географический словарь Российского государства. – М., 1788–1789. – Ч. 1–6; Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. – Ч. 6. – СПб., 1790. – С. 41, 269–271; Ч. 7. – СПб., 1791. – С. 79; Новейшая всеобщая география. – СПб., 1791; *Нехачин И.В.* Новое ядро российской истории. – Ч. 2. – М., 1795. – С. 467–474 и др.

⁴²⁸ Копия с жалованной грамоты на графское Никите Моисеевичу Зотову достоинство // Древняя российская вивлиофика. – 2-е изд. – Ч. 9. – М., 1789. – С. 477–484 и др.

⁴²⁹ О пожаловании городу Костроме герба // Указы всепресветлейшие, державнейшие Великие государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийские, состоявшиеся 1767 июля с 1-го января по 1-е число 1768 года. – СПб., 1783. – С. 258.

⁴³⁰ Топографическое описание Калужского наместничества. – СПб., 1785; [*Ларионов С.И.*] Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце. – М., 1786; [*Переверзев И.А.*] Топографическое описание Харьковского наместничества. – М., 1788; Краткое топографическое описание Симбирской губернии // Древняя российская вивлиофика. – 2-е изд. – Ч. 18. – М., 1791. – С. 211–212, 254–280; Топографическое описание Иркутского наместничества из разных известий, наблюдений, записок и известных преданий почерпнутое // Там же. – С. 282–375; Топографическое описание Ярославского наместничества. – [Ярославль, 1794] и др.

ми из актов об их утверждении⁴³¹. Они были выполнены в соответствии с традициями западноевропейского блазонирования и свидетельствовали о наличии определенных знаний в области формальной геральдики, иногда сопровождались пояснениями о значении эмблем. Например, при описании калужского герба отмечалось, что «серебряный пояс означает реку Оку»⁴³². Подобные перечни имели сугубо информационное значение.

Герменевтика эмблем присутствовала не только в публикациях, но и в рукописных памятниках. Последовательно стремился к истолкованию территориальных гербов князь М.М. Щербатов, который в своем гербовнике уделил большое внимание объяснению эмблем. Вот, например, что он писал о таганрогском гербе: «Щит разрезанный горизонтальной чертой на двое, верхняя часть золотая, на которой накрест положены корабельный руль и часть мачты с червленым морским вымполом, показуя морское пристанище сего града, нижняя часть щита зеленого цвета с изображенными на ней серебряными укреплениями, показуя цветом поля надежду о величии сего города; укреплениями ныне обретающуюся крепость»⁴³³.

Родовым гербам в литературе XVIII в. уделялось меньше внимания, чем территориальным. Первым опытом обращения к ним стала публикация жалованной грамоты А.Д. Меншикову на титул светлейшего князя ижорского и на города Ямбург и Копорье с уездами. Она публиковалась на протяжении столетия несколько раз. В последней четверти XVIII в. оказался доступен для исследователей диплом на княжеское достоинство, пожалованное А.Д. Меншикову 21 января 1706 г. императором Священной Римской империи Иосифом I, а также подтверждение документа, сделанное Петром I. В обоих случаях имелись описания герба, а все эмблемы детально объяснялись в связи с фактами биографии владельца⁴³⁴.

Родовые гербы отмечались в генеалогических работах. В «Древней российской вивлиофике» были опубликованы труды кня-

⁴³¹ Нехачин И.В. Указ. соч. – С. 467–473.

⁴³² [Плещеев С.И.] Указ. соч. – С. 113.

⁴³³ РГАДА. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 3.

⁴³⁴ Божию споспешествующею милостию Мы, пресветлейший и державнейший Великий государь и Великий князь Петр Алексеевич, ... – [М., 1707]; Диплом на княжеское Российской империи достоинство с подтверждением римского императорского диплома, данный от Его Величества государя императора Петра Велико-

зя М.М. Щербатова, содержавшие описания и объяснения символики дворянских гербов⁴³⁵. Однако в XVIII в. указание на герб не являлось обязательным. Так, труды игумена Ювеналия (Воейкова) о Коробановых, Сабуровых и Лопухиных содержат геральдический компонент, а о Приклонских и Воейковых – нет⁴³⁶, хотя их гербовые печати для XVIII в. уже известны⁴³⁷.

На познавательные возможности родовых гербов впервые указал В.Н. Татищев. Он признал их исследовательский потенциал, но констатировал собственную некомпетентность в данной области и неизученность проблемы в целом. Важнейшими задачами историк вполне справедливо считал подтверждение обоснованности использования в гербах конкретных эмблем и правовые аспекты гербовладения⁴³⁸.

Краткий экскурс в геральдическое источниковедение содержался в книге И.-Х. Гаттерера. Источники гербоведения он определял как «те средства, кои приводят нас в состояние получать о гербах основательное познание»⁴³⁹. Ученый предпринял попытку систематизировать источники, разделив их на две группы. К первой были отнесены гербы, дипломы, печати и монеты, ко второй – широкий круг разнообразных вещественных и письменных источни-

го, самодержца всероссийского, фамилии князей Меншиковых, 1707 года. – [М.], 1774; Диплом на княжеское Российской империи достоинство князю Меншикову. – [СПб.], 1779; Диплом на княжеское Священной Римской империи достоинство дан от Его Императорского Величества Иосифа I, избранного римского императора, Александру Даниловичу Меншикову и его потомству с титулом светлейшего в Вене, 1706 января 21 дня. – [М.], 1774; Диплом на княжеское Священной Римской империи достоинство дан от Его Императорского Величества Иосифа I, избранного римского императора, Александру Даниловичу Меншикову и его потомству с титулом светлейшего в Вене, 1706 января 21 дня. – [СПб.], 1780.

⁴³⁵ Напр., см.: *Щербатов М.М. кн.* Родословная князей Щербатовых // Древняя российская вивлиофика. – Ч. 9. – М., 1789. – С. 72–73.

⁴³⁶ *Ювеналий (Воейков)*. Историческое родословие благородных дворян Воейковых. – М., 1792; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных дворян Коробановых. – М., 1795; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных. – М., 1796; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных дворян Приклонских. – М., 1796; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Сабуровых. – М., 1797.

⁴³⁷ Гербовник А.Т. Князева 1785 г. – СПб., 1912. – С. 25, 122.

⁴³⁸ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. – Т. 7/8. – М., 1996. – С. 177.

⁴³⁹ *Гаттерер И.-Х.* Указ. соч. – С. 16.

ков (надгробные памятники, хоругви, ленные письма, описания ристалищ, торжественных выездов и погребений, родословные книги, гербовники). Основанием систематизации послужило представление о степени важности конкретной группы источников для исследования. И.-Х. Гаттерер подчеркивал, что преимущество первой группы над второй состоит в большей точности изображений и вытекающей из нее возможности достоверных выводов. Это положение распространяло на геральдические источники фундаментальные основы критического анализа, вводя их в систему научного исторического знания. Паритетное отношение к письменным и вещественным источникам, по сути, декларировало необходимость для геральдического исследования комплексного подхода.

Однако идеи немецкого историка не были востребованы русским гербоведением, которое еще не достигло в тот момент соответствующего уровня развития. Об источниковедческой индифферентности свидетельствовало содержание конкретных работ XVIII – начала XIX в., претендовавших на исследовательский статус.

Только в 1838 г. в энциклопедической статье О.И. Сенковского появился тезис об источниковедческом значении герба. Автор исходил из того, что исторические факты могли отражаться условными знаками и, следовательно, герб «может служить проверкою исторического факта»⁴⁴⁰. Неуверенность формулировок означала, что О.И. Сенковский не вполне четко осознавал такой аспект использования гербового материала. Важнейшим событием в становлении источниковедческого раздела научной геральдики стала публикация в 1830 г. «Полного собрания законов Российской империи»⁴⁴¹. Благодаря кодификации русского права впервые оказались доступны тексты законодательных актов XVII – начала XIX в. (именные и сенатские указы, манифесты и др.), касавшиеся государственного герба, деятельности геральдических учреждений и, главное, территориальных гербов, утвержденных в последней трети XVIII в. Эти акты создавали достоверную эмпирическую основу для изучения русской геральдики. Массовая публикация документов о территориальных гербах создавала качественно иную источниковедческую ситуацию, подвела итоги непоследовательным и малочисленным

⁴⁴⁰ [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 119.

⁴⁴¹ ПСЗ. – Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 1–45.

попыткам введения в научных оборот геральдических источников, происходившим с середины XVIII в.

Источниковедческие основы изучения гербов закладывались на рубеже XVIII–XIX в., когда сформировалось представление о необходимости привлечения источников в геральдическом исследовании, были выявлены категории пригодных для этого памятников и предложена методика работы с ними. В тесной связи с источниковедческими потребностями дисциплины находилось археографическое освоение материалов, имевшее особое значение из-за проблем с доступом к архивным документам. К середине XIX в. оказался опубликован значительный фактический материал, создавший источниковедческий фундамент для интенсификации геральдических исследований, для аналитических обобщений.

Изучение конкретных геральдических проблем началось в России с государственного герба. Такую попытку предпринял еще В.Н. Татищев, проявлявший большой интерес к геральдике и составивший несколько территориальных гербов⁴⁴². Он собрал материалы по истории российского герба и на их основании написал работу, которую, по собственному признанию, потерял. Содержание ее историк повторил по памяти, в сокращенном виде, в «Истории российской», опубликованной в 1768 г. Именно от В.Н. Татищева в российской историографии исходят две традиции, касающиеся изучения государственной символики.

Во-первых, из «старой истории Соловетского монастыря» он заимствовал версию о византийском происхождении двуглавого орла, относя время его возникновения к правлению Ивана III и связывая с женитьбой на Софье Палеолог⁴⁴³. Однако у историка имелись сомнения в достоверности этих сведений, хотя он привлек для исследования широкий круг письменных (из Разрядного и Дворцового архивов, а также из материалов Коллегии иностранных дел) и вещественных (часы, печати, монеты, серебряный ковш) источников. В.Н. Татищеву было также известно о существовании версии, связывавшей появление двуглавого орла с легендой о происхождении Рюриковичей от римских императоров, «по наследованию,

⁴⁴² См.: *Соболева Н.А.* Указ. соч. – С. 70–72.

⁴⁴³ *Татищев В.Н.* История Российская. – Т. 1. – С. 369.

производимому от Августа», но, по всей видимости, он считал ее более сомнительной, чем византийская.

Второй историографической традицией стал интегрированный анализ изображений двуглавого орла и московского всадника. В.Н. Татищев называл последнего древнейшим, исконным «гербом» московских великих князей. Ему было известно об иконографической эволюции эмблемы; о том, что первоначально всадник держал в руке саблю и лишь затем стал поражать копьем змея. Отмечал он также многообразие изображения: «Прямо сидящ или вперед наклонившись, иногда скачущ, на иных стоящий, сабли пред собою концом вверх и вперед, на иных над главою, инде над плечом»⁴⁴⁴. Семантика всадника В.Н. Татищевым не раскрывалась, но историк однозначно называл его не святым, а светским воином.

Государственная символика имела для исследователя явный познавательный приоритет. Территориальным гербам в «Истории российской» внимания уделялось гораздо меньше⁴⁴⁵. Обращение к государственному гербу как к предмету анализа оказало на судьбы русского гербоведения принципиальное значение. Герб вывёлся за рамки исключительно прагматического, обыденного явления и приобретал статус знания, ценного для науки, для изучения прошлого. Государственная символика непосредственно связывалась с историей социума. В таком контексте герб как явление приобретал познавательную и исследовательскую состоятельность, распространяемую на геральдику в целом. Позиция В.Н. Татищева не подкреплялась конкретными данными и, в значительной степени, осталась декларативной, но она положила начало для позитивного отношения к гербу как историческому источнику и предмету научного знания. «...Не бесполезно о гербе государственном от истории вспомнить, понеже оное есть многих обстоятельств доказательством и гражданской истории есть к знанию не безнужное», – отмечал историк⁴⁴⁶.

Мистификация истории государственной символики, невольной сделанная В.Н. Татищевым, получила развитие в работах вто-

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же. – С. 340, 352, 354, 356, 357.

⁴⁴⁶ Там же. – С. 368.

рой половины XVIII – первой четверти XIX в., содержащих немало ошибочных суждений о гербе России.

В 1770 г. появилось издание широко известного труда «Ядро российской истории». Его традиционно приписывали А.И. Манкиеву, но, как недавно доказала С.Р. Долгова⁴⁴⁷, на самом деле, автором сочинения был крупный дипломат князь А.Я. Хилков. При публикации к тексту прилагалось особое «Прибавление о гербе державы российской и уездов, в ней содержимых»⁴⁴⁸. Митрополит Евгений (Болховитинов) считал автором раздела публикатора книги Г.-Ф. Миллера. Сейчас эта точка зрения кажется более убедительной, чем предлагавшаяся современными исследователями версия, что текст написал А.И. Манкиев, который просто присвоил чужой труд⁴⁴⁹. Независимо от авторства геральдический компонент издания представляет существенный интерес в контексте истории отечественной научной геральдики. Причинами появления двуглавого орла на Руси, ссылаясь на «общее мнение», автор называл происхождение «русских монархов» через Рюрика от кесаря Октавиана Августа⁴⁵⁰ и матримониальные связи с византийскими династиями, использовавшими именно эту птицу как герб.

Трем коронам государственной символики давалось самостоятельное толкование. На основе аналогии с европейским опытом расширялась интерпретация, содержащаяся в юридических актах. По мнению автора, короны означали входящие в состав Русского государства Московское, Казанское и Астраханское царства. Одновременно вводилась иерархия корон: средняя отождествлялась с царской властью, правая – с «королевской» (в данном случае означала Казанское, Астраханское и Сибирское царства), левая – с «великокняжеской» (великие княжения Киевское, Владимирское, «Великоновгородское» и др.)⁴⁵¹.

⁴⁴⁷ Долгова С.Р. Русский резидент в Швеции А.Я. Хилков и загадка А.И. Манкиева // Труды Государственного Эрмитажа. – Т. 52: Петровское время в лицах – 2010. – СПб., 2010. – С. 138–148.

⁴⁴⁸ Прибавление о гербах державы Российской и уездов, в ней содержимых // [Хилков А.Я. кн.] Ядро российской истории. – [М.], 1770. – С. 385–392; 2-е изд. – М., 1784. – С. 385–392; 3-е изд. – М., 1791. – С. 435–442; 4-е изд. – М., 1799. – С. 464–472.

⁴⁴⁹ Гербы городов России. – С. 24.

⁴⁵⁰ [Хилков А.Я. кн.] Указ. соч. – [М.], 1770. – С. 385.

⁴⁵¹ Там же. – С. 386.

Версия о генеалогической мотивации заимствования двуглавого орла из Византии постоянно повторялась в последующих работах. Точку зрения В.Н. Татищева почти дословно воспроизвел Ф.-Г. Дильтей, который, однако, не стал апеллировать к происхождению от римских императоров, а единственной причиной иконографической рецепции считал браки российских монархов с «греческими княжнами»⁴⁵². Со временем генеалогический акцент дополнился указаниями на культурно-религиозные факторы. Подчеркивалась общность православного вероисповедания византийских императоров и великого князя московского Ивана III, который хотел «возобновлением презренного герба почтить память греческих императоров» и в этом «подвиге видел действие духа всего падшего народа»⁴⁵³. Однако доминировала генеалогическая версия, которая подкреплялась фактами, относившимися как к XV в.⁴⁵⁴, так и к периоду Киевской Руси⁴⁵⁵.

В силу несовершенства археографической ситуации и архивной системы в России первой половины XVIII в. В.Н. Татищеву остались неизвестными важнейшие источники по государственной символике, в том числе – печать 1497 г. с первым сохранившимся изображением двуглавого орла. Она была обнаружена в 1767 г. Н.Н. Бантыш-Каменским и опубликована в 1788 г. С.Я. Румовским⁴⁵⁶. Долгое время источник не привлекал внимания, и только Н.М. Карамзин в шестом томе «Истории государства Российского»⁴⁵⁷, законченном в начале 1812 г., дал истолкование памятника. Он поддержал версию о византийском происхождении двуглавого орла,

⁴⁵² Дильтей Ф.-Г. Указ. соч. – Т. 4. – С. 308.

⁴⁵³ Соответствующее пояснение приводилось в записках путешественника XVI в. Р. Барберини. Тот факт, что фрагмент из описания его путешествия, касающийся титула и герба русского царя, был целенаправленно опубликован в конце 1820-х гг., свидетельствовал об интересе к сюжету и соответствовал ожиданиям социума. См.: Барберини Р. О титуле и гербе русского царя // Русский зритель. – 1828. – № 13/14. – С. 25.

⁴⁵⁴ А. О гербе московском // Русский вестник. – 1808. – № 5. – С. 184.

⁴⁵⁵ Громов Г. Описание древних российских гербов // Московские ведомости. – 1850. – № 32. – С. 369.

⁴⁵⁶ Продолжение древней российской вивлиофики. – Т. 4. – СПб., 1788. – С. 201–202. Подробнее об истории изучения печати 1497 г. см.: Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. – М., 1999. – С. 1–4.

⁴⁵⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 6. – М., 1999. – С. 45–46.

прямо заявив о заимствовании герба «царей греческих» вследствие «свойства», т. е. брака, великого князя московского Ивана III и Софьи Палеолог. Никаких обоснований этому Н.М. Карамзин не привел. Как справедливо заметил В.А. Кучкин, историк «механически перенес в XV в. представления своего времени»⁴⁵⁸, в том числе притязания России на вмешательство в дела Балканского полуострова. Актуальность и даже злободневность такой постановки проблемы, а также научный авторитет Н.М. Карамзина, обусловили длительное доминирование византийской версии в отечественной геральдической науке.

Генезис двуглавого орла имел в XVIII – первой трети XIX в. несомненный познавательный приоритет перед герменевтическими аспектами. Заимствование символа из Византии, а через нее и из Римской империи, представлялось несомненным, поэтому проблема его истолкования решалась в соответствующих географических и хронологических пределах. В «Энциклопедическом словаре» А. Плюшара давались подробные семантические пояснения⁴⁵⁹ и предлагалась следующая версия: первоначально Римская империя использовала в качестве эмблемы одноглавого орла, а после разделения государства на Западную и Восточную части ему прибавили вторую голову с тем, чтобы «двуглавый орел изображал две главы мира, Рим и Константинополь»⁴⁶⁰.

К середине XIX в. византийская теория полностью сформировалась в качестве несомненной историографической традиции, которая, тем не менее, практически не подкреплялась прямыми сведениями источников и не выходила за пределы мистифицированного знания.

Аналогичная ситуация складывалась в отношении территориальных гербов. В тех случаях, когда сведения о них выходили за границы перечня описаний, высказывались самые фантастические суждения. В одной из публикаций, например, утверждалось, что Москва получила герб от князя Юрия Долгорукого, якобы увеко-

⁴⁵⁸ Кучкин В.А. Указ. соч. – С. 3.

⁴⁵⁹ В справочнике излагалась византийская версия, причем в самом примитивном ее понимании: появление двуглавого орла связывалось исключительно с браком Ивана III и Софьи Палеолог (Герб России // Энциклопедический лексикон. – Т. 14. – СПб., 1838. – С. 122).

⁴⁶⁰ [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 118.

вечившего таким образом собственного небесного патрона⁴⁶¹. Абсурдность этого мнения доказывается хотя бы тем, что в XII в. никаких гербов на Руси не существовало. Однако в целом даже подобные публикации обозначили стремление к научному осмыслению геральдических фактов.

Ошибочные интерпретации XVIII – начала XIX в. были обусловлены не только недостаточным количеством введенных в научный оборот и слабым анализом источников, но и нечеткостью теоретических представлений о сущности герба, о специфике геральдического исследования и об истории геральдики. Интерпретации многих сюжетов часто заимствовались из устаревших европейских трудов без какого бы то ни было критического отношения и воспринимались как неоспоримая данность.

Среди усвоенных идей особое значение имел тезис о вневременном существовании гербов, их древности. Он легко использовался применительно к эпохе античности и был экстраполирован на русскую историю, что позволяло «обнаруживать» гербы даже в Киевской Руси. Исследователей не смущало отсутствие четких указаний источников об их существовании. В.Н. Татищев, заявляя, что «наши историки о гербах нигде не вспоминают», тем не менее, не сомневался в их бытовании, основываясь на сведениях римских авторов о знаках, которые используются живущими на востоке племенами⁴⁶².

Однако мнение об исключительной древности гербов не было всеобщим. В учебнике Ж.-А.-С. Формей, например, особо подчеркивалось, что символы, использовавшиеся египтянами, греками, римлянами и другими народами нельзя причислять к гербам, поскольку они не могли являться «знаками чести», то есть не связаны с рыцарскими традициями и образом жизни⁴⁶³.

Несмотря на удачные попытки разделить герб, эмблему и символ теоретически, применительно к конкретному материалу понятийно-терминологический аппарат был противоречив и неустойчив. В отдельных случаях невозможно точно понять, что именно подразумевал автор. Даже сведущий в истории О.И. Сенковский мог написать следующее: «Государственные гербы известны были и в древно-

⁴⁶¹ А. О гербе московском. – С. 184.

⁴⁶² Татищев В.Н. Указ. соч. – С. 370.

⁴⁶³ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 231.

сти. Рим избрал себе эмблемой орла... [...] Все вообще города классического мира имели свои гербы или эмблемы, как можно видеть на монетах и медалях. В афинском гербе была сова, птица Минервы и мудрости»⁴⁶⁴. Он также одновременно называл и гербом, и эмблемой изображение московского всадника, относящееся к XIV в.⁴⁶⁵.

Представление о древности геральдики создавало трудности при описании генезиса гербов. Несомненная связь данного процесса с историей рыцарства входила в противоречие с констатацией бытования гербов в более ранние периоды, когда эта социальная категория отсутствовала. Одним из способов разрешить противоречие стала идея о том, что в античности существовали государственные и территориальные, но не родовые гербы, а другим – не указывать четко время их появления. В последнем случае авторы ограничивались только констатацией их «древности», а это давало возможность для самых широких интерпретаций. Более точно датировать первые родовые гербы попытался О.И. Сенковский. Он признавал древность института герба в целом, но возникновение родовой геральдики в Западной Европе относил предположительно к XI в. («не найдено еще ни одного герба или памятника с гербами, который был бы старше XI столетия»)⁴⁶⁶ и более уверенно – к XII в. На XI в. как время возникновения гербов указывал Ж.-А.-С. Формей⁴⁶⁷.

Причины генезиса родовых гербов интерпретировались в традициях романтической историографии, доминировал германоцентризм. Обычай древних германцев изображать на щитах, оружии и знаменах раскрашенные знаки рассматривался как основа для формирования геральдики⁴⁶⁸. Одновременно подчеркивалась роль французских геральдистов в упорядочении знаний о гербах, в их систематизации и выработке блазонных правил⁴⁶⁹.

Из европейских сочинений перекочевала в отечественные работы опознавательная теория происхождения гербов, связывавшая их возникновение с эпохой первых крестовых походов. О.И. Сенковский писал: «Крестовые походы [...] ввели гербы в необходимость

⁴⁶⁴ [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 118.

⁴⁶⁵ Там же. – С. 121, 122.

⁴⁶⁶ Там же. – С. 118.

⁴⁶⁷ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 231.

⁴⁶⁸ О гербах. – 1739. – Ч. 3. – С. 11; [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 231.

⁴⁶⁹ О гербах. – Ч. 3. – С. 11.

для отличия народов, полков, родов и частных рыцарей, которые узнавали друг друга в сражении по этим знакам и эмблемам»⁴⁷⁰. Подчеркивалась также роль рыцарских турниров в становлении и развитии практической геральдики. Как полагали, именно во время проведения этих действий «начались, размножились и подведены» были специфические правила, составившие суть формальной геральдики.

Впервые краткий экскурс по истории возникновения русской геральдики сделал В.Н. Татищев⁴⁷¹. Его текст послужил одним из источников для соответствующего раздела в статье О.И. Сенковского, который обращался к идеям предшественника и прямо цитировал его слова. Одновременно он интегрировал точку зрения В.Н. Татищева в некое концептуальное построение. Предлагаемая О.И. Сенковским модель сводилась к следующему⁴⁷². Употребление гербов, или точнее, отличительных знаков, началось на Руси задолго до западного влияния, еще в Киевский период. Во время монголо-татарского ига эти знаки назывались ясаками или тамгами, были произвольны и изменчивы, могли принадлежать как частным лицам, так и городам. Частные знаки О.И. Сенковский отождествлял с личными гербами недворян, которые употреблялись на печатях. Желая привести русские знаки (гербы) «в порядок», Алексей Михайлович пригласил из Австрии специалиста по геральдике, имени которого ни В.Н. Татищев, ни О.И. Сенковский не называют, хотя речь, видимо, шла о Лаврентии Хуреличе (Куреличе). Именно при Алексее Михайловиче были положены «первые основания» геральдике «как науке». Однако в данном случае термин «наука» использовался не в современном значении (гербоведение), а для указания на определенные правила, т. е., по мысли О.И. Сенковского, геральдика приобрела вид систематизированного знания в третьей четверти XVII в.

Теоретические и исторические идеи О.И. Сенковского, изложенные в рамках энциклопедической статьи, стали первой попыткой обобщения разрозненных знаний и фактов, синтеза отечественного и европейского опыта. Очерк О.И. Сенковского можно считать рубежным событием, ознаменовавшим завершение перио-

⁴⁷⁰ [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 119.

⁴⁷¹ Татищев В.Н. Указ. соч. – С. 370.

⁴⁷² [Сенковский О.И.] Указ. соч. – С. 121.

да генезиса геральдического знания как самостоятельного направления исследования.

К концу XVIII в. отечественная геральдика вполне уверенно интерпретировалась как часть европейского геральдического пространства, к которому также проявлялся определенный интерес⁴⁷³. Однако ее место в таком контексте воспринималось только эмпирически, на фактологическом уровне. Так, в XVIII в. при перечислении гербов западных стран в список включалось описание государственного герба России, чем констатировался их равный правовой, политический и геральдический статус.

Важным моментом в процессе самоидентификации русского гербоведения стал упоминавшийся выше очерк О.И. Сенковского. Хотя содержащиеся в нем идеи были во многом заимствованы из европейских работ, их можно расценивать как национально ориентированное построение. Автор стремился показать связь русского опыта с зарубежным, рассмотреть его в общеевропейском контексте и через это определить историческое своеобразие.

Для идентификации существенное значение имел тезис о сосуществовании в родовой геральдике двух систем: французской (по сути общеевропейской) и польской. Особое внимание уделялось второй, поскольку считалось, что именно она оказала непосредственное влияние на становление института герба в России.

Обращение к зарубежной государственной символике имело также методический аспект. Европейские гербы уже стали предметом исследования, их история и семантика, хотя и с некоей долей мистификации, были выяснены. Это могло облегчить изучение русского геральдического опыта.

Сведения о зарубежной государственной символике содержались преимущественно в учебных пособиях. Ф.-Г. Дильтей сообщал не только о гербах основных европейских стран (Великобритании, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Польши, Пруссии, Швейцарии, Швеции, Франции и др.), но также восточных и африканских государств (Алжира, Китая, Персии, Туниса, Турции, Японии и др.). С точки зрения современного гербоведения в последнем случае речь шла об эмблемах и символах,

⁴⁷³ В 1801 г. «Политический журнал» сообщал, например, о новом варианте герба Британского королевства (Политический журнал. – 1801. – Ч. 1. – С. 21).

к тому же не всегда достоверных, но это была первая в русской науке попытка представить геральдику в мировом масштабе.

Ф.-Г. Дильтей указывал смысл эмблем, разъяснял иконографическую структуру, раскрывал генезис⁴⁷⁴. Толкования символики могли содержать указания на источники сведений. Например, при описании турецкого герба (полумесяца) автор заявлял: «Некоторые думают, что оный [турки. О.Н.] приняли от древней Бизанции [Византии. О.Н.], на монете которой часто видна луна; а другие тому противоречат, потому что прежде взятия Константинополя упоминается о луне у турок и чаятельно, [что] оную приняли в герб после древних арапов». Семь замков в гербе Трансильвании объяснялись тем, что они символизируют 7 сел, якобы основанных гуннами в VIII в.⁴⁷⁵

Учебный характер труда способствовал распространению определенной парадигмы трактовки материала, который можно было легко экстраполировать на другие группы гербов. Обращение к иностранному опыту, методически и познавателью более совершенному, укрепляло положение геральдики как научного знания. Однако недостаточный уровень ее развития в XVIII в. обусловил формирование другого, негативного и ошибочного отношения к дисциплине, которая воспринималась как бесполезная, особенно – при изучении событий русской истории.

В трудах XVIII в. не только осмысливались научные аспекты герботворчества, но предпринимались попытки определить его прагматическое значение, пользу для дворянского быта. Познания в геральдике могли, например, пригодиться при правильном определении цветов ливрей для слуг, соответствующих финифтям и металлам герба хозяина⁴⁷⁶. Работы XIX в. подобных сюжетов уже не содержат.

Научная геральдика в России начала складываться во второй трети XVIII в. Первоначально элементы геральдического знания выражались через эмблематические издания, а с 1730-х гг. приобрели самостоятельное значение. Растянувшийся почти на целое сто-

⁴⁷⁴ Дильтей Ф.-Г. Указ. соч. – Т. 5. – Ч. 2. – С. 325.

⁴⁷⁵ Там же. – С. 59. Поскольку государственные символы часто состояли из региональных гербов, то учебник Ф.-Г. Дильтея давал определенное представление и о территориальной геральдике Европы.

⁴⁷⁶ [Формей Ж.-А.-С.] Указ. соч. – С. 233.

летие процесс становления научной геральдики характеризовался двумя основными тенденциями:

- во-первых, рецепцией западных формальных правил и общих сведений по истории дисциплины, при котором отраженное в литературе знание усваивалось в готовом виде; все русские публикации находились в прямой зависимости от европейского опыта, сведения об отечественном герботворчестве были минимальны;
- во-вторых, публикацией источников официального характера, касавшихся русского геральдического пространства.

Заложенные В.Н. Татищевым основы исследовательской традиции не проявилась в стремлении получить цельное и достоверное знание. Исследования в точном смысле слова отсутствовали, теоретические проблемы не рассматривались. Некоторые геральдические труды, не будучи востребованы для практики герботворчества и научного познания, остались в рукописи и влияния на историографическую ситуацию не оказали. Геральдическая литература 1730-х – 1830-х гг. состояла из совокупности разрозненных фактологических работ, которые могут быть названы историографией с определенной долей условности. Число публикаций о гербах было незначительным.

В данный период присутствовали признаки только первой стадии формирования научной дисциплины – собрание и справочное оформление фактической информации. Методически работы были слабы, терминологически противоречивы, специфические методы геральдического анализа не сложились.

Генезис геральдического знания находился в тесной связи со становлением русской исторической науки в целом, с развитием всего комплекса специальных исторических дисциплин, особенно – с формированием научной генеалогии и сфрагистики, от познавательных потребностей которых во многом зависел интерес к гербам.

Научное знание XVIII – первой трети XIX в. развивалось в позитивном направлении. Тематика публикаций постепенно расширялась. Если первоначально исследовательский интерес проявлялся только к государственной символике, то затем в сферу познания вошли территориальные и, еще позже, родовые гербы. Началось формирование модели геральдического анализа, состоявшей из трех элементов: времени появления герба, его семантики и генези-

са. Активизировалась идентификация национального опыта в контексте европейского геральдического пространства. Эти процессы дали результаты к концу 1830-х гг., когда отечественное гербоведение вступило в качественно новую стадию развития.

§ 2. Тяжкий путь к знанию: развитие научной геральдики в середине XIX – начале XX в.⁴⁷⁷

На развития научной геральдики в середине XIX в. немаловажное влияние оказывали процессы, происходившие в российской исторической науке: повышение познавательного уровня работ, становление профессионального образования, появление научных обществ, активная археографическая деятельность, совершенствование архивного дела и др. Заметно возросло внимание к специальным историческим дисциплинам и источниковедению как методологической основе исторического исследования.

Как и другие специальные исторические дисциплины, в середине XIX в. геральдика воспринималась как раздел археологии. Это было обусловлено несколькими факторами. Уровень развития дисциплины не позволял ни информационно, ни источниковедчески, ни познавательно выявить и закрепить ее связь непосредственно с историей. Более очевидными и прагматическими представлялись отношения с археологией, изучающей вещественные памятники (преимущественно с печатями). Русская геральдика вводилась в историческую науку через археологию, поэтому и первую концепцию геральдического знания, разработанную А.Б. Лакиером, можно назвать археологической.

В середине XIX в. появились геральдические работы, которые без колебаний могут быть отнесены к разряду исследовательских. В их числе первенствующее место занимал труд А.Б. Лакиера «Русская геральдика». Он вышел в свет в 1854 г. в «Записках Императорского археологического общества», а в следующем году был переиздан отдельной книгой⁴⁷⁸. Это первое монографическое исследование в области гербоведения, значение которого определялось тем,

⁴⁷⁷ Учитывая специфику истории русской научной геральдики, в данном случае под началом XX в. подразумевается период до 1908 г., после которого положение дисциплины в системе исторического познания кардинальным образом изменилось.

⁴⁷⁸ См. сноску 2.